

НИКОЛАЙ II И КАБИНЕТ П. А. СТОЛЫПИНА (К истории взаимоотношений)

Проведенная самодержавием осенью 1905 г. реформа Совета министров создала в России, пользуясь тогдашней терминологией, «объединенное правительство» — орган, схожий по своей структуре и функциям с кабинетами министров в конституционных государствах и призванный под непосредственным главенством особого должностного лица — председателя Совета министров — направлять и координировать деятельность основных звеньев бюрократической машины империи — отдельных ведомств.¹ В результате претерпели известные изменения отношения между монархом и чиновничьей элитой. Преобразование Совета министров создало некоторые организационные предпосылки для усиления влияния последней на ход государственного управления, причем в какой-то степени в ущерб прерогативам короны. Временем, когда Совет министров играл наиболее значительную роль в системе властных структур империи, стал период премьерства П. А. Столыпина.

Как известно, предшественники Николая II на троне противились созданию «объединенного правительства», опасаясь уменьшить свое личное влияние на работу государственного аппарата. Николаю II тоже были свойственны эти опасения,² обусловленные во многом традиционным для российских самодержцев недоверием к бюрократии (надо сказать, не лишенным оснований).

Признав как будто бы в критические для власти дни первой русской революции необходимость образования в России «объединенного правительства», Николай II в данном случае все же, скорее, просто уступил давлению ряда высших сановников, ратовавших за такую меру. 19 октября 1905 г., т. е. в день подписания им указа о реформе Совета министров, Николай II, оценивая ситуацию, сложившуюся тогда в правящих кругах, отметил в письме к матери: «...г. министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств вместо того, чтобы действовать решительно».³ Таким образом, реформа Совета министров вовсе не казалась царю столь уж необходимой. В его глазах управление империей разделялось на изолированные друг от друга отрасли, курировавшиеся отдельными ведомствами. Споры между ними обычно беспокоили царя лишь в каких-то конкретных ситуациях.⁴ Для предотвращения и пресечения этих конфликтов Николаю II казались вполне достаточными такие средства, как личные обращения монарха к министрам и неукоснительное соблюдение нерушимости границ между «сферами влияния» отдельных ведомств, что являлось, по свидетельству военного министра В. А. Сухомлинова, «строго-руководящим принципом» царя.⁵

Со своей стороны, П. А. Столыпин, возглавив в июле 1906 г. Совет министров, стремился всемерно повысить роль кабинета и свою личную (как его главы) в определении внутри- и внешнеполитического курса самодержавия. Как отмечала в своих мемуарах дочь П. А. Столыпина, М. П. Бок, «папа говорил, что сила правительства проявится лишь в том случае, если оно будет выносить свои решения „объединенным“ министерством и этим облегчит непосильную работу государя».⁶ И Николай II

во многом шел навстречу желаниям П. А. Столыпина. В результате последнему удалось, в частности, заметно усилить свой личный контроль и контроль кабинета за деятельностью Военного и Морского министерств, а также Министерства иностранных дел, которые поначалу мало зависели от Совета министров и его главы.⁷ Вообще проявления ведомственного сепаратизма в целом успешно пресекались П. А. Столыпиным, что способствовало росту влияния премьера и кабинета на ход государственного управления.

Это едва ли импонировало Николаю II. Однако П. А. Столыпин, особенно первоначально, пользовался у монарха значительным авторитетом. В письме Марии Федоровне в октябре 1906 г. Николай II писал о своем премьере: «Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю».⁸ Правда, впоследствии царь, по-видимому, столь пылких чувств к П. А. Столыпину не питал и все больше прислушивался к критикам премьера из консервативного лагеря, которые, помимо прочего, активно обвиняли главу правительства в узурпации прерогатив короны. Если верить А. И. Гучкову, сославшемуся на рассказ близкого к Николаю II флаг-капитана К. Д. Нилова, на отношение монарха к П. А. Столыпину ощутимо повлияли результаты встречи Николая II с английским королем Эдуардом VII в Ревеле в 1908 г. Английский король «очень интересовался Столыпиным (глава правительства сопровождал царя во время его поездки в Ревель. — М. Ф.), всегда искал возможности с ним поговорить... Столыпин отлично говорил по-английски, кругом фотографии, получалось: грузная фигура Эдуарда, большая фигура Столыпина, затем все это в английских журналах было». Противники премьера «коллекционировали эти фотографии и незаметно подсовывали государю: так встреча с Эдуардом отражается в прессе английской — Столыпин, Столыпин, Столыпин».⁹

И все же П. А. Столыпин в целом пользовался расположением царя почти до самого конца своего премьерства. Правда, по свидетельству А. А. Вырубовой, Николай II как-то заметил: «Столыпин был бы рад занять мое место». Несмотря на это, констатировала она, «в общем, Столыпин ему (Николаю II. — М. Ф.) нравился».¹⁰ Незаурядность личности П. А. Столыпина, очевидно, рождала у царя не только недовольство «заслонявшим» его премьером, но и чувство уважения к последнему, сознание необходимости пребывания П. А. Столыпина у власти. В какой-то степени Николай II, вероятно, должен был считаться и с тем, что П. А. Столыпин обеспечил себе известную общественную поддержку в лице большинства III Государственной думы.

Согласно закону о Совете министров, принимавшиеся кабинетом решения по большей части в обязательном порядке представлялись потом на утверждение императору. История реформированного Совета знает сравнительно немного случаев отклонения монархом рекомендаций правительства. При этом уже опыт функционирования созданного сразу после реформы Совета кабинета С. Ю. Витте показал, что при известных условиях монарх, сталкиваясь с коллективной волей министров, вынужден был поступаться своими желаниями.¹¹ Случаи такого рода имели место и во время премьерства П. А. Столыпина.

Как вспоминал впоследствии в своих мемуарах министр народного просвещения в правительстве П. А. Столыпина А. Н. Шварц, царь «при чтении... особого мнения», заявленного А. Н. Шварцем в Совете министров «по поводу процентной нормы для учениц-евреек женских гимназий», заметил, что он согласен с А. Н. Шварцем, а «не

с большинством Совета». Но хотя царю очень «не хотелось утверждать мнение большинства», он его утвердил.¹²

Несмотря на звучавшие в адрес П. А. Столыпина обвинения в стремлении «заслонять» собой царя, сам он считал одной из своих важнейших задач как главы правительства всемерное укрепление авторитета носителя верховной власти, хорошо понимая, что «значил для России (внутренне еще слабо и плохо связанной) исконный „обруч“ монархии».¹³ Этим была, в частности, обусловлена позиция, занятая руководимым им кабинетом при обсуждении осенью 1909 г. предложений, сформулированных в адресованной царю записке главноуправляющего Канцелярией его императорского величества по принятию прошений А. А. Будберга от 5 марта 1909 г., в которой последний затронул весьма шекотливый вопрос о процедуре рассмотрения просьб о смягчении приговоров лицам, осужденным на смертную казнь. При существующих порядках, подчеркивал А. А. Будберг, «все эти просьбы... передаются военному министру, а им, механически, командующим войсками (военных округов, утверждающих смертные приговоры. — *М. Ф.*) и, кроме редчайших случаев, участь этих просьб зависит не от монарха, а от командующего войсками округа».¹⁴ Ратуя за восстановление «в полной мере верховного права» монарха «в этом деле первостепенной важности», А. А. Будберг рекомендовал поручить рассмотрение всех ходатайств о смягчении участи лиц, приговоренных к смертной казни, «Особому секретному совещанию», членами которого должны были быть министры: военный, внутренних дел, юстиции и главноуправляющий Канцелярией по принятию прошений, а председателем — премьер. Решения Совещания об удовлетворении осужденных им ходатайств, по мнению А. А. Будберга, следовало направлять на утверждение императору; об отклоненных же просьбах Совещание должно было непосредственно информировать командующих округами, без доклада этих дел монарху.¹⁵

Рассмотрев предложения главноуправляющего Канцелярией по принятию прошений 15 сентября 1909 г., столыпинский кабинет счел, однако, их неприемлемыми, ибо, как подчеркивали члены правительства, помимо прочего нежелательным результатом задуманного А. А. Будбергом «нововведения явилось бы... распространение в населении убеждения, что все судебные дела, оканчивающиеся смертными приговорами, повергаются на высочайшее благовоззрение, а следовательно, непосредственно от верховной власти исходят повеления не только о смягчении участи осужденных, но и повеления о приведении приговоров в исполнение».¹⁶ Таким образом, реализация рекомендаций А. А. Будберга, по мнению кабинета, привела бы не к укреплению веры народа в «монаршее милосердие» (как надеялся А. А. Будберг), а возымела бы прямо противоположный эффект. С точкой зрения правительства в итоге согласился и Николай II.

Хотя, как отмечалось, в одних случаях при несовпадении желаний монарха с позицией Совета министров приходилось «капитулировать» монарху, однако в других — это должен был делать кабинет. Убежденный в том, что «сердце цареве в руцех божиих», Николай II никогда не считал себя связанным какими-либо особыми обязательствами в отношении своего правительства. Посылая флигель-адъютанта А. Н. Мандрыку в Царицын к скандально известному иеромонаху Иллроду, с которым остро конфликтовали и П. А. Столыпин, и обер-прокурор Синода С. М. Лукьянов, Николай II на замечание другого флигель-адъютанта Н. А. Княжевича, сказавшего,

что «это будет, пожалуй, неприятно Совету министров», ответил (по словам самого Н. А. Княжевича, воспроизведенным в записках А. Н. Шварца), вообще говоря, с несвойственной ему грубостью: «Это мне, простите, наплевать».¹⁷

Санкционировав поначалу одобренную кабинетом столыпинскую программу реформ, Николай II в итоге, скорее, поддержал ее противников, представителей консервативного крыла правительственного лагеря, что обернулось провалом большей части планов председателя Совета министров. «Ваше величество, хотите, по-видимому, опираться на крайних правых, имея умеренный кабинет», — заметил П. А. Столыпин в разговоре с царем.¹⁸ Сказав премьеру: «Нет, я отлично знаю крайних правых», царь, однако, явно не видел ничего ненормального в ситуации, при которой, он, сохраняя у власти «умеренный» кабинет, одновременно прислушивался к голосам критиков кабинета справа. Это полностью отвечало традициям самодержавия, ибо, как констатировал в свое время Н. М. Карамзин, «государь российский внемлет только мудрости, где находит ее...».¹⁹

Вынужденный так или иначе мириться со складывавшейся ситуацией, сам П. А. Столыпин считал ее явно ненормальной. Судя по всему, премьер в принципе полагал, что император не должен принимать каких-либо решений вопреки рекомендациям правительства, а в случае несогласия с ними царю следует призвать к власти новый кабинет, такой, который мог бы давать приемлемые для главы государства советы. Когда же царь, считал П. А. Столыпин, действует вразрез с мнением правительства, «ответственность перелagается на особу государя, чего вообще нельзя допускать».²⁰

Николай II притерпелся тем не менее иного мнения. Едва ли не наиболее ярким примером этого явились его действия во время так называемого первого министерского кризиса, разразившегося весной 1909 г.²¹ Как известно, кризис был вызван обсуждением в марте 1909 г. в Государственном совете законопроекта о штатах Морского генерального штаба. Этот правительственный законопроект, одобренный и Государственной думой, резко критиковался правыми членами верхней палаты, доказывавшими, что «штатные дела» по Военному и Морскому министерствам должны решаться царем без участия думы и Государственного совета,²² уже однажды (летом 1908 г.) провалившимися проект. Хотя его вторичное обсуждение в Государственном совете весной 1909 г. завершилось победой правительства, однако защитники прерогатив монарха не сложили оружия и начали добиваться отклонения законопроекта Николаем II. Со своей стороны, П. А. Столыпин в ходе разговора с царем 21 марта 1909 г. попытался убедить его в обратном, а на следующий день (22 марта 1909 г.) направил монарху письмо, в котором подчеркнул, что отклонение императором злополучного законопроекта сделало бы «для правительства в настоящем его составе дальнейшее несение обязанностей невыполнимым».²³ Таким образом, П. А. Столыпин, хотя и в завуалированной форме, но совершенно недвусмысленно, в случае отказа царя санкционировать законопроект о штатах Морского штаба, пригрозил Николаю II как минимум своей отставкой.

Более месяца Николай II не решался вынести окончательный вердикт. В прессе появились сообщения о намерении царя, отклонив законопроект, вознаградить главу правительства в порядке компенсации «званием канцлера». Автор заметки, опубликованной 20 апреля 1909 г. в «Биржевых ведомостях», сообщил читателям о слухах, согласно которым «звание канцлера восстанавливается, но в ином виде. Вместо того, чтобы быть присвоенным исключительно министру иностранных дел, оно реформируется в германском смысле... и присваивается лицу, стоявшему во главе Совета министров», причем

«нынешний премьер получит такой титул». Впрочем, в цитированной заметке упоминалось и о других слухах: будто канцлером и министром иностранных дел планируется сделать И. Л. Горемыкина.²⁴ Трудно сказать, чем были вызваны эти сообщения. Близкий к придворным кругам генерал А. А. Киреев, побеседовав 20 апреля 1909 г. с министром двора В. Б. Фредериксом, записал в своем дневнике: «Из слов Фредерикса должно заключить, что Столыпин будет канцлером иностранных дел».²⁵ Спустя несколько дней, в записи за 25 апреля 1909 г., А. А. Киреев отметил: «Государь будто бы послал курьера за границу к Горемыкину, которому предлагается Министерство (и премьерство) внутренних дел, а Столыпину канцлерство».²⁶ Впрочем, есть сведения о том, что сам И. Л. Горемыкин весной 1909 г. «проводил» в премьеры А. В. Кривошеина.²⁷

Весьма осведомленный журналист Л. М. Клячко (псевдоним — Л. Львов) впоследствии в своих воспоминаниях утверждал, что Николай II, задумав отклонить законопроект о штатах Морского штаба, поначалу якобы вообще принял отставку П. А. Столыпина. При этом премьером царь будто бы решил назначить Б. В. Штюрмера, который весной 1909 г., по-видимому, всерьез готовился возглавить кабинет.²⁸

Возможно, в течение какого-то времени Николай II готов был пойти на увольнение П. А. Столыпина с занимаемых им постов. Между тем премьер сумел заручиться поддержкой своих коллег по кабинету. В ночь с 21 на 22 апреля 1909 г. сложившаяся ситуация рассматривалась Советом министров. В результате длительных дебатов, продолжавшихся с 10 часов вечера 21 апреля до половины третьего (по одним данным) или даже до 3 часов утра (по другим) 22 апреля, «все» министры «согласились уйти вместе со Столыпиным...».²⁹ Как отмечалось в одной заметке, помещенной в «Биржевых ведомостях» (информация об упомянутом заседании кабинета, весьма, впрочем, противоречивая, появилась в прессе), «в руки премьера все министры вложили свою судьбу и свои портфели».³⁰ Коллективная отставка министров, пусть даже не всех (ясно, что «свою судьбу» в руки П. А. Столыпина «не вложили» ввиду специфического статуса соответствующих ведомств, например, военный министр и министр двора), конечно в планы царя не входила. Показательно, что известный правый публицист М. О. Меньшиков, часто отражавший в своих статьях мнение «высоких сфер», в нашумевшей статье «Наши младотурки», появившейся незадолго до заседания кабинета 21—22 апреля и направленной в принципе против думских союзников П. А. Столыпина — октябристов, писал о том, как «трудно для монарха найти не только дюжину министров, но подчас одного вполне надежного». Несомненно обращаясь к П. А. Столыпину, М. О. Меньшиков замечал: «Настаивать, чтобы монарх непременно утверждал мнение своего правительства, „иначе мы уйдем“, — значит оказывать незаконмерное давление на верховную власть».³¹

В конце концов в письме П. А. Столыпину 25 апреля 1909 г. Николай II сообщил о своем решении не утверждать законопроект о штатах Морского штаба. При этом царь подчеркнул, что он отвергает просьбу П. А. Столыпина «или кого-либо другого... об увольнении от должности».³² Таким образом, Николай II ясно и недвусмысленно продемонстрировал министрам полное нежелание считаться с их амбициями. Отметим, что В. Н. Коковцов утверждает в своих мемуарах, ссылаясь на заявление премьера по поводу этого письма, будто П. А. Столыпин даже хотя бы только о своей единоличной отставке и не помышлял.³³ В данном случае В. Н. Коковцов, несомненно,

вольно или невольно погрешил против истины. После заседания кабинета в ночь с 21 на 22 апреля 1909 г. (о нем В. Н. Коковцов в своих воспоминаниях вообще не сообщает) П. А. Столыпин заявить такое ему, очевидно, никак не мог.

Во всяком случае первый «министерский кризис» завершился в полном соответствии с традициями «классического» самодержавия. Правда, в течение нескольких дней после получения П. А. Столыпиным письма Николая II от 25 апреля 1909 г. собирались «частые и долгие совещания» членов кабинета,³⁴ которые, по-видимому, обсуждали вопрос о возможной реакции правительства на решение Николая II. В конце концов министры во главе с премьером сочли за благо подчиниться воле монарха. В решении Николая II они видели, однако, не проявление твердости носителя верховной власти, а, скорее, каприз человека, склонного поддаваться разного рода случайным влияниям. «Мне кажется, — сказал А. Н. Шварц П. А. Столыпину, ознакомившись с письмом царя от 25 апреля, — что писал это письмо человек, совсем лишенный воли». «Представьте себе, — ответил премьер, — это те же слова, которые я сказал жене при прочтении письма».³⁵ Проглотив обиду, члены кабинета ощущали себя униженными. «Я во всяком случае желал бы теперь уйти более, чем когда-либо... да и в Совете министров как-то у всех опустились руки», — в таких словах подвел итоги кризиса А. Н. Шварц.³⁶

Нежелание Николая II непременно считаться с «видами» премьера и его кабинета в сущности привело и ко второму «министерскому кризису» правительства П. А. Столыпина — драматическим событиям весны 1911 г., вызванными провалом в Государственном совете (при попустительстве царя) одобренного и Советом министров и думой законопроекта об учреждении земств в шести западных губерниях. Перипетии связанного с этим громкого политического скандала всесторонне освещены в литературе,³⁷ и на них нет необходимости специально останавливаться. Явившийся, как считается, началом конца политической карьеры П. А. Столыпина второй «министерский кризис» формально завершился, правда, его победой (царь отклонил просьбу об отставке и согласился удовлетворить все его требования). При этом дочь П. А. Столыпина в своих воспоминаниях, ссылаясь на рассказ отца, сообщает, что Николай II, убеждая П. А. Столыпина взять назад прошение об отставке, направил ему «удивительное письмо, не письмо даже, а послание в 16 страницах, содержащее как бы исповедь государя во всех делах, в которых он не был с папа достаточно откровенен. Император говорил, что сознает свои ошибки и понимает, что только дружная работа с его главным помощником может вывести Россию на должную высоту. Государь обещал впредь идти во всем рука об руку с моим отцом и ничего не скрывать от него из правительственных дел».³⁸ Если даже царь, действительно, послал главе кабинета такое «удивительное письмо», то об обещаниях, данных в нем премьеру, монарх забыл очень быстро.³⁹

Разрабатывавшаяся П. А. Столыпиным в последние месяцы его пребывания у власти обширная программа преобразований (о ней поведал в своих мемуарах А. В. Зеньковский) предполагала внесение корректив в закон о Совете министров. Ими помимо прочего предусматривалось назначение министров царем только по представлению премьера.⁴⁰ Насколько достоверно вообще свидетельство А. В. Зеньковского о реформаторских замыслах П. А. Столыпина, сказать трудно.⁴¹ Во всяком случае то, что он лишет по поводу планов П. А. Столыпина относительно Совета министров, вполне соответствовало взглядам главы кабинета и ранее стремившегося, как отмечалось, к укреплению своих позиций в механизме государственной власти.

В целом премьерство П. А. Столыпина показало, как сложно и противоречиво шел процесс встраивания реформированного Совета министров в систему управления империи. П. А. Столыпину удалось добиться заметных успехов в деле превращения Совета министров в весьма влиятельный центр власти, с которым должен был так или иначе считаться сам монарх. Эти результаты, однако, не имели под собой прочного институционального фундамента. Любые расчеты правительства в любой момент могли быть опрокинуты вследствие изменений в настроении носителя верховной власти, видевшего в министрах лишь исполнителей его повелений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Королева Н. Г.* Первая российская революция и царизм: (Совет министров России в 1905–1907 гг.). М., 1982. С. 27–44; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 177, 179–188, 217, 219–221, 223–224, 226–227, 229–230.

² Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 458.

³ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 167.

⁴ См. например: *Кокцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 320.

⁵ Воспоминания В. А. Сухомлинова. М.; Л., 1926. С. 250.

⁶ *Бок М. П.* Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Л., 1990. С. 168.

⁷ Подробнее см.: *Флоринский М. Ф.* 1) Совет министров и Министерство иностранных дел в 1907–1914 гг. // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. 1978. Вып. 1. № 2. С. 35–39; 2) Совет министров и военные ведомства в 1907–1914 гг. // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Ижевск, 1993. С. 75–86.

⁸ Переписка Николая II и Марии Федоровны. С. 204.

⁹ Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 116.

¹⁰ Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 198.

¹¹ Кризис самодержавия в России. С. 271.

¹² *Шварц А. Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о государе. М., 1994. С. 61.

¹³ *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 113.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 5. Д. 81. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 5–6.

¹⁶ Там же. Л. 21.

¹⁷ *Шварц А. Н.* Моя переписка со Столыпиным. С. 67.

¹⁸ *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 70.

¹⁹ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России // Ретроспективная и сравнительная политология. М., 1991. С. 213.

²⁰ *Кокцов В. Н.* Из моего прошлого. С. 300.

²¹ Подробнее см.: *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 135–140; Кризис самодержавия в России. С. 467–470.

²² О юридической природе этой коллизии см.: *Дякин В. С.* Сфера компетенции указа и закона в третьейюньской монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 8. С. 249–253.

²³ Цит. по: *Дякин В. С.* Самодержавие... С. 137.

²⁴ Биржевые ведомости. 1909. 20 апр. (3 мая). На следующий день «Биржевые ведомости» сообщили читателям о том, что П. А. Столыпин получит «звание канцлера», но сохранит за собой только должность председателя Совета министров. На посту же министра внутренних дел его якобы сменит П. Н. Дурново — один из главных оппонентов премьера в Государственном совете.

²⁵ Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ). Ф. 126. К-15. Л. 30 об.

- ²⁶ Там же. Л. 32.
- ²⁷ *Поливанов А. А.* Из дневников... С. 65.
- ²⁸ Подробнее см.: *Куликов С. В.* Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров: Предыстория и механизм // *Источник. Историк. История: Сб. науч. работ.* СПб., 2001. Вып. 1. С. 403–406.
- ²⁹ *Поливанов А. А.* Из дневников... С. 69;
- Шварц А. Н.* Моя переписка со Столыпиным. С. 130.
- ³⁰ Биржевые ведомости. 1909. 23 апр. (6 мая).
- ³¹ Новое время. 1909. 15 (28) апр.
- ³² Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина // *Красный архив.* 1924. Т. 5. С. 120.
- ³³ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. С. 298–301.
- ³⁴ *Шварц А. Н.* Моя переписка со Столыпиным. С. 130.
- ³⁵ Там же. С. 73.
- ³⁶ Там же. С. 130–131.
- ³⁷ *Аврех А. Я.* Столыпин и Третья дума. М., 1968. С. 318–366; *Дякин В. С.* Самодержавие... С. 212–228; Кризис самодержавия в России. С. 494–495 и др.
- ³⁸ *Бок М. П.* Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. С. 326.
- ³⁹ *Зырянов П. Н.* Петр Столыпин: Политический портрет. М., 1992. С. 109–110.
- ⁴⁰ *Зеньковский А. В.* Правда о Столыпине. М., 2002. С. 101–102.
- ⁴¹ Подробнее см.: *Федоров Б. Г.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: Биография П. А. Столыпина. СПб., 2002. Т. 2. С. 70–79.

Е. Е. Петрова

КОЛЛЕКТИВНОЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ 29 ДЕКАБРЯ 1916 г.: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

В ночь на 17 декабря 1916 г. в Петрограде был убит Г. Е. Распутин. Согласно общепринятой версии, непосредственными участниками заговора были великий князь Дмитрий Павлович, князь Ф. Ф. Юсупов-Сумароков-Эльстон, депутат Государственной думы В. М. Пуришкевич, врач санитарного поезда В. М. Пуришкевича С. Лазаверт и капитан А. С. Сухотин. Известно, что в наказание за участие в убийстве великий князь Дмитрий Павлович был отправлен по приказу императора Николая II в действующую армию, ведущую бои в Персии. Он отбыл к месту расположения войск 23 декабря 1916 г., а 29 декабря 1916 г., спустя 5 дней, было написано коллективное прошение великих князей с просьбой о смягчении наказания для великого князя и перемене места ссылки на одно из имений Дмитрия Павловича. В различных исторических исследованиях, рассматривающих проблемы взаимоотношений великих князей и последнего российского императора, о коллективном прошении великих князей упоминается как о попытке выступления в защиту Дмитрия Павловича. Однакостораживает тот факт, что со времени отбытия Дмитрия Павловича к месту своей ссылки прошло 5 дней и изменить что-либо в судьбе великого князя было уже практически невозможно. Детальное рассмотрение тех событий, которые предшествовали написанию великокняжеского прошения, а также следовали за ним, позволяют несколько по-иному взглянуть на данную проблему.

19 декабря 1916 г. в 6 часов вечера Николай II прибыл из Ставки в Царское Село, о чем свидетельствует запись в Камер-фурьерском журнале.¹ В 11 часов вечера царь